

ИСПОВЕДЬ СТАЛИНСКОГО ПОКОЛЕНИЯ

Луиза Дмитриевна Гагут

Исповедь сталинского поколения

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25743517

*Исповедь сталинского поколения. Отклики на судебный процесс И.Т. Шеховцова, фильм «Очищение» и книгу «Дело Сталина-«преступника» и его защитника» / Сост. Л.Д. Гагут.: Алгоритм; Москва; 2017
ISBN 978-5-906979-35-3*

Аннотация

Иван Тимофеевич Шеховцов получил известность не только в Советском Союзе, но и за рубежом в связи с состоявшимися в 1988–1990 гг. в Москве судебными процессами, на которых он, солдат Великой Отечественной войны, защищал честь и достоинство поколения сталинской эпохи и своего Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Искусство разоблачения лжи, основанное на многолетней работе в качестве следователя, прокурора и адвоката обеспечивало ему превосходство в схватке с клеветниками и перевертышами. Как «защитник Сталина», он был в период антисталинской истерии в «демократических» СМИ подвергнут травле и моральному террору. О драматических, порой имевших детективный характер событиях, связанных с судебными процессами, он рассказал в четырех томах написанной им книги «Дело Сталина-«преступника» и его защитника»,

получившей высокую оценку читателей. В этой книге приведены отклики людей на судебные процессы, снятый по ним фильм «Очищение» и книгу И.Т. Шеховцова, а также бесценные свидетельства очевидцев об этом непростом периоде нашей истории, о боли униженного и оклеветанного ПОКОЛЕНИЯ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ.

Содержание

Кратко об И.Т. Шеховцове	5
Вместо предисловия	9
Отклики на судебный процесс И.Т. Шеховцова и фильм «Очищение»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Исповедь сталинского
поколения. Отклики
на судебный процесс
И.Т. Шеховцова, фильм
«Очищение» и книгу «Дело
Сталина-«преступника»
и его защитника»
Составитель Л.Д. Гагут**

Кратко об И.Т. Шеховцове

Шеховцов Иван Тимофеевич, 1926 года рождения, уроженец Курской области. В 1930 году после «раскулачивания» вся семья, включая родителей И.Т. Шеховцова, его самого и двух младших братьев, была выслана в Кировскую область. Летом 1930 года, после опубликования статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» как необоснованно раскулаченные возвратились в Курскую область, а затем переехали

на постоянное место жительства в г. Харьков. Не вернулся из ссылки младший брат И.Т. Шеховцова.

В конце августа 1943 года 17-летний И.Т. Шеховцов ушел добровольцем на фронт. Воевал в качестве наводчика противотанкового орудия. Был ранен при разрыве вражеского снаряда, инвалид Великой Отечественной войны. Награжден орденами Славы и Отечественной войны, медалью «За отвагу», двумя медалями «За боевые заслуги».

В 1951 году с отличием окончил Харьковский юридический институт, в 1957 году – также с отличием исторический факультет Харьковского государственного университета. В течение 30 лет работал следователем и на различных прокурорских должностях (прокурор следственного отдела и отдела по надзору за законностью рассмотрения судами уголовных дел; прокурор-криминалист; начальник следственного отдела областной прокуратуры, старший помощник прокурора области). Четыре с половиной года работал адвокатом. Публиковался в издававшихся Прокуратурой СССР сборниках по вопросам расследования уголовных дел об умышленных убийствах и организации борьбы с тяжкими преступлениями, а также в союзных и республиканских журналах и местных газетах по проблемам правового, нравственного и военно-патриотического воспитания молодежи.

Личные качества И.Т. Шеховцова – обостренное восприятие несправедливости, непримиримое отношение ко лжи, нравственный максимализм. Эти проявившиеся еще в юно-

сти качества в зрелом возрасте укрепились и получили определенную направленность, связанную с образованием и профессией. Эти человеческие качества способствовали тому, что в разгар антисталинской истерии 1988–1990 годов И.Т. Шеховцов на знаменитых московских судебных процессах защищал честь и достоинство оболганного в годы перестройки поколения советской эпохи и своего Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

Об этих процессах, и не только о них, Иван Тимофеевич впоследствии написал книгу «Дело Сталина-«преступника» и его защитника», получившую высокую оценку читателей. В ней представлен огромный фактический материал, иллюстрирующий грандиозный исторический путь, пройденный советским народом под руководством И.В. Сталина, аргументированно разоблачены ложь и клевета, которые на протяжении ряда лет изливались на сталинскую эпоху и руководителей Советского государства.

В 2016 году И.Т. Шеховцову исполнилось 90 лет. Несмотря на свой более чем почтенный возраст, И.Т. Шеховцов и сейчас ведет активную общественную и литературно-публицистическую деятельность. Его часто приглашают на встречи со школьниками и студентами, в его квартире собираются молодежь и комсомольцы, чтобы послушать ветерана, узнать правду о героической советской эпохе. За эту активную позицию И.Т. Шеховцов уже не раз получал угрозы в свой адрес со стороны националистически настроенных элементов

и от украинских властей, объявивших в Украине «декоммунизацию».

Однако в адрес И.Т. Шеховцова продолжают поступать и письма от его горячих сторонников, выходят статьи о нем в различных средствах массовой информации. В этих письмах и публикациях отражено отношение людей к И.В. Сталину, к истории нашей страны, поднимаются актуальные вопросы сегодняшнего времени и тех проблем, которые возникли в России и Украине после разрушения СССР.

По этой причине И.Т. Шеховцов принял решение опубликовать свой обширный архив, в котором содержатся бесценные свидетельства сталинского поколения об этом трагическом и героическом периоде нашей истории, оболганном в той клеветнической антисталинской кампании, которая началась, когда у руля нашей страны и Коммунистической партии оказалась группа людей, предавших свой народ, партию и национальные интересы своей родины.

В настоящем издании содержатся также отдельные выдержки из книги И.Т. Шеховцова «Дело Сталина-«преступника» и его защитника», выпущенной в г. Харькове издательством «Победа» (в 2004 и 2008 годах), опубликованные в них письма-отклики на судебные процессы и посвященный им фильм «Очищение».

Вместо предисловия

Знаете ли вы, что такое наводчик противотанкового орудия?

Пример, достойный подражания

Мы уже неоднократно писали об Иване Тимофеевиче Шеховцеве, мужественном борце за доброе имя И.В. Сталина. В годы перестройки и очернительства всего советского, социалистического И.Т. Шеховцов на ставшими знаменитыми московских судебных процессах 1988–1990 годов защищал честь и достоинство поколения сталинской эпохи и нашего Верховного Главнокомандующего.

Но ветеран и дальше ведет сражение, уже за сердца и умы современной молодежи. Ежегодно, 13 сентября, Иван Тимофеевич Шеховцов собирает у себя в небольшой харьковской квартире молодежь и ветеранов, и собравшиеся отмечают день рождения Зои Космодемьянской, героической партизанки, казненной фашистами 29 ноября 1941 г. Товарищ Шеховцов постоянно выступает перед школьниками с рассказами о героической советской эпохе, о строителях и защитниках Советской Родины, о высоком нравственном и патриотическом подъеме, который царил в сталинский период строительства и защиты социализма. На его кварти-

ре часто собирается молодежь, комсомольцы, слушающие слово правды ветерана.

Публикуем, с небольшими сокращениями, статью Первого секретаря Харьковского обкома комсомола Любы Ткачевой «Знаете ли вы, что такое наводчик противотанкового орудия?».

И я не знала. Ответ на этот вопрос нашла в опубликованном газетой «Черкасская правда» письме «Наш воин-Геракл – это мощная сила духа». Автор письма – белорусская партизанка Нина Ивановна Осадченко, секретарь подпольного райкома комсомола в Витебской области в годы Великой Отечественной войны. Нина Ивановна приводит рассказ советского писателя Евгения Носова, тоже наводчика противотанкового орудия. Вот отрывок из этого рассказа: «Война с ее кромешным грохотом и землетрясением, с рыжими выбросами матерой девонской глины, взрытой пикирующими «юнкерсами», командир орудия с перекошенным лицом в подтеках пота и налипшей пыли, что-то кричит мне, наводчику орудия, должно быть важное, нужное в сию роковую минуту, но неслышимое мною, потому что в ушах стоит звон и гул возбужденной крови; эти пятнисто окрашенные чудища, лязгающие, мельтешащие блескучими траками, ловящие, кажется, именно тебя черной дырой надульника, иногда харкающим коротким плевком выстрела, после которого, за отпущенный тебе миг ты должен распла-

статья под колесами собственной пушки, чтобы уцелеть и снова вскочить к прицелу, пока там, под толщей крупновской башины, перезаряжают утробу казенника, успеть выпустить свой поспешный, не очень вымеренный снаряд...».

«Легко представить, – пишет Нина Ивановна, – какую силу сдерживал совсем юный мальчик Ванечка Шеховцов, теряя товарищей, пока самого не ранило».

«Шел парнишке в ту пору восемнадцатый год» (из довоенной советской песни «За фабричной заставой»).

Командир 54-го противотанкового артиллерийского полка майор Коваленко: «В боях за освобождение родной земли от немецко-фашистских захватчиков Вы проявили себя бесстрашным и мужественным воином непобедимой Красной Армии, верным сыном великого советского народа. Вашим подвигом гордится вся наша часть. Объявляю Вам благодарность и от души поздравляю. Желаю здоровья и новых побед над врагом во славу нашей Советской Родины».

С каким подвигом поздравил командир полка наводчика противотанкового орудия? Об этом Иван Тимофеевич рассказал в московском киноконцертном зале «Баку» 20 декабря 1999 г. на торжественном собрании, посвященном 120-й годовщине со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина. Вот этот рассказ (он приведен в 3-м томе его четырехтомной книги «Дело Сталина-«преступника» и его защитника»):

«25 августа 1944 г. Противотанковое орудие на прямой

наводке. Рядом окопалась наша пехота. Немцы при поддержке танков пошли в контратаку. Еще не обстрелянные наши пехотинцы дрогнули. Положение критическое. С автоматом в руках поднимаюсь им навстречу со словами: «От кого убегаете?! (и первые в жизни нецензурные слова). Вперед! За Родину! За Сталина!». Пришли в себя наши пехотинцы и за мной устремились вперед. Вернулись в окопы и отражали атаку немецкой пехоты. А мы, артиллеристы, начали «разбираться» с их танками. Один танк и на моей, наводчика орудия, «совести». И сейчас помню свои ощущения, когда призывом «За Родину! За Сталина!» увлек пехотинцев вперед. Ног под собой в буквальном смысле слова не чувствовал. Как будто летел. А в душе и сердце – ярость и злость».

Наверное, и этот эпизод имела в виду Нина Ивановна, когда писала: «Наш Геракл отличается редкой, мощной силой духа». Когда прочла книгу Ивана Тимофеевича, поняла, что этими словами Нина Ивановна (я с ней согласна) оценивает и его послевоенную биографию.

Тридцать лет на передовом крае борьбы с преступностью. Какую силу духа нужно иметь следователю, чтобы одержать победу в схватке с «умным» убийцей. Какую преданность делу, которому служишь, какую силу воли и духа нужно иметь, чтобы вступить за честь и достоинство Феликса Эдмундовича Дзержинского, изобличить клеветника и «обеспечить» ему пять лет лишения свободы.

А потом, с первых лет «перестройки», – не заканчиваю-

щаяся до сих пор борьба за честь и достоинство Иосифа Виссарионовича Сталина.

Солдат Великой Отечественной войны, до сих пор носящий в себе осколок немецкой мины, предъявляет в московские суды 17 исков в защиту чести и достоинства своего Верховного Главнокомандующего, а газета, орган ЦК КПСС, еще за три года до «отмены» Советского Союза называет его «торжествующим защитником палачей».

Организуют судебный процесс по делу «Сталина-преступника и его защитника». Моральный террор и травля в СМИ: «Интеллектуальная и моральная жертва сталинизма», «сталинистов нужно уничтожать» и т. п. И, наконец, «к подследственным применял методы, перед которыми бледнеет средневековая инквизиция с ее нечеловеческими пытками». Шесть месяцев клеветники срывали заседания, чтобы не допустить опровержения этой чудовищной лжи и избежать публичного извинения за нее.

От Ивана Тимофеевича отрекается и Генеральная прокуратура СССР – от одного из лучших начальников следственных отделов областных прокуратур Союза, под руководством которого пять лет подряд в области (единственной в стране) раскрывались все умышленные убийства.

Позорным провалом для организаторов судилища закончился тот судебный процесс. Только за два месяца после него на Центральное телевидение поступило 7,5 тысяч писем граждан, откликнувшихся на телефильм о судебном процес-

се. Подавляющее их большинство поддержали позицию Ивана Тимофеевича в суде и благодарили его за мужество и стойкость в защите доброго имени И.В. Сталина и правды величественной истории Советской Родины.

Много этих писем опубликованы в книге Ивана Тимофеевича.

Не могу не привести запомнившийся мне взволнованный рассказ пионерки первых послевоенных лет: «Когда приняли в пионеры, я весь год утром вскакивала (не вставала, а вскакивала), когда по радио начинал звучать Гимн Советского Союза. Я стояла у репродуктора, отдавала салют, а потом вновь засыпала».

Женщина-грузинка пишет: «Через неделю поеду в родное село, где живут фронтовики и старики. Соберу их возле братской могилы, буду переводить на грузинский и читать им Ваше интервью. И уже сейчас вижу их лица и наполненные слезами радости глаза, слышу грузинские молитвы о Вашей долгой жизни и здоровье».

Потом были другие судебные процессы, на которых Иван Тимофеевич защищал доброе имя солдат Великой Отечественной и их Верховного. Три года они продолжались (1988–1990). И каждый раз со всей страны в Москву приезжали люди, чтобы оказать моральную поддержку Ивану Тимофеевичу.

Последнюю точку в трехлетнем судебном марафоне поставил Верховный Суд РСФСР, решившийся в обстановке

антисталинской истерии и травли всего советского признать правоту Ивана Тимофеевича.

На следующий день после выступления в Москве, в киноконцертном зале «Баку», о котором я говорила выше, Иван Тимофеевич в день 120-й годовщины со дня рождения И.В. Сталина идет на Красную площадь к его могиле. Там у Ивана Тимофеевича спросили, почему он первую часть своей четырехтомной книги назвал «Мой последний бой «За Родину! За Сталина!»». И вот его ответ:

«Это был долгий, на протяжении трех лет, изнурительный «судебный бой» с превосходящими силами коварного наглого врага, посягнувшего на мою Советскую Родину и моего Верховного Главнокомандующего, на честь и достоинство поколения героических, одухотворенных 30-х и 40-х «пороховых» годов. На фронте было легче. Там все ясно, никакого коварства и предательства. Немецкий танк щупает тебя хоботом ствола своего орудия, а ты наводишь на него свою пушку. Кто первый сделает точный выстрел – тот и победил, доказал свою правоту. Вот и все. Честный открытый бой без всякой фальши и лицемерия. Первый мой бой «За Родину! За Сталина!» произошел в Эстонии 25 августа 1944 г. Тогда я, 17-летний наводчик противотанкового орудия, этим призывом поднял в атаку растерявшихся было пехотинцев. Мой последний бой «За Родину! За Сталина!», начатый в 1987 г. предъявлением судебных исков в защиту чести и достоинства Сталина и судебными процес-

сами 1988–1990 годов, еще не закончился».

Этот бой продолжается вот уже 20 лет.

Любимый его поэт – Михаил Юрьевич Лермонтов. Когда прочла книгу Ивана Тимофеевича, мне стало понятно, почему он ищет открытые публичные схватки с оборотнями и перевертышами в облике докторов наук – исторических, философских и других. Потому что его жизненное кредо – в строке из стихотворения Лермонтова «Парус»: «А он, мятежный, ищет бури, как будто в буре есть покой».

Мне понятно возмущение Ивана Тимофеевича ложью и лицемерием этих обласканных Советской властью перевертышей. На конкретных примерах он разоблачает ничтожество этих людей, считающих себя интеллектуальной элитой общества и не скрывающих своего презрения к поколению, создавшему могучую Державу и защитившему ее в годы Отечественной.

Ничтожество и трусость этих «ученых» проявилось и в том, что они не решились на публичную дискуссию с наводчиком противотанкового орудия, юристом и историком высшей пробы. Последний из них – доктор исторических наук, профессор Харьковского университета В.В. Калиниченко. Он не решается на публичную дискуссию перед студентами исторического факультета университета, несмотря на то, что они дважды через газету обращались к нему с призывом принять вызов Ивана Тимофеевича.

Почему они не решаются на публичную схватку с ним?

Наверное, потому что не забыли обошедший экраны всего мира телефильм о первом судебном процессе по делу Сталина-«преступника» и его защитника, на котором Иван Тимофеевич публично разоблачил их ложь. Не забыли они и недавно вышедшую и уже заслужившую восторженные отклики читателей его четырехтомную книгу, в которой представлены блестящие образцы разоблачения лжи.

Сейчас много «историков» пишут о Сталине. Начались повторения, заимствования, вымыслы – и ничего личного, выстраданного, пережитого авторами.

Книга Ивана Тимофеевича уникальна во многих отношениях. Это, прежде всего – личность автора. Ставший в детские годы вместе с родителями жертвой незаконного раскулачивания, потерявший в ссылке младшего брата, не ожесточился против Советской власти, не стал клеветать на нее.

Все изложенное в книге прошло через его душу, сердце и биографию, а московские судебные процессы, составляющие основу книги, остались неповторимыми. Сотнями благодарных писем откликнулись на книгу читатели. Вот одно из них: «Не могла оторваться от книги. Счастлива и благодарна судьбе за знакомство с вами (пусть и заочно). Считаю самым дорогим то, что Вы в этой жизни и доказательно представили миру гениальный духовный мир целого поколения нашего народа.

Своим четырехтомником Вы сумели снять боль нашего поколения, вселить в каждого из нас чувство радости за вос-

становление правды, гордость своей Родиной, в которой мы счастливо жили. Спасибо за Ваш великий труд патриота-ученого, борца за великие идеалы добра».

Наводчик противотанкового орудия, не раз смотревший смерти в глаза в единоборстве с фашистскими танками; следователь и прокурор, продолжавший в схватках с преступниками, а потом на фронте борьбы с оборотнями и перевертышами защищать свою Советскую Родину, показал сегодняшней молодежи, а это особенно важно, достойнейший подражания пример мужества, принципиальности и высокой ответственности.

*Л. Ткачева, Первый секретарь Харьковского
обкома комсомола, г. Харьков
Газета «Рабоче-крестьянская правда»,
№ 12 (129), 2007 г.*

Отклики на судебный процесс И.Т. Шеховцова и фильм «Очищение»

*Пусть живые запомнят и пусть поколения
знают*

Эту взятую с боем суровую правду солдат.

И твои костыли, и смертельная рана сквозная,

И могилы над Волгой, где тысячи юных лежат.

Семен Гудзенко, поэт фронтового поколения

...Это был неофициальный общенародный референдум. Незапланированный, без объявления вопросов, на которые надлежало ответить, без разъяснительной работы и «предвыборной» агитации. И потому, может быть, более объективно отражающий состояние общественного мнения, мысли и настроения граждан. Сам фильм, обращенный к миллионам наших граждан, поставил вопросы четко и конкретно:

1. Ваше отношение к освещению средствами массовой информации отечественной истории «сталинского периода» (объективное, необъективное).

2. Считаете ли Вы, что личность Сталина сегодня исследуется доказательно и всесторонне?

3. На чьей стороне Ваши симпатии – Адамовича или Шеховцова?

Газеты писали о «взрыве» читательских откликов на фильм «Очищение», на Центральном телевидении мне сообщают, что ни одна передача на общественно-политическую тему не вызывала столько откликов (только за 2 месяца 7,5 тысячи писем), поток писем в мой адрес. Выше я уже приводил результаты «референдума». Теперь, думаю, самое время поговорить подробнее о читательских откликах на фильм и их авторах. В подавляющем большинстве писем содержатся ответы на все перечисленные выше вопросы. Около двух третей писем – отклики на фильм ветеранов войны и труда. Авторами значительной части писем являются представители послевоенного поколения, много писем от молодежи – рабочих и студенческой. Половина авторов поступивших писем – женщины, есть письма от военнослужащих. Откликнулись на фильм и бывшие осужденные, «сидевшие» при Сталине.

Письма эти – исповедь поколений, для которых фильм дал долгожданный повод высказаться о сокровенном, наболевшем. Это прежде всего исповедь поколения, уходящего из жизни и потому спешащего высказаться. Поколения, не дождавшегося неленивого, равнодушного писателя, журналиста, которым так много хотелось сказать. Что может быть ценнее рассказа свидетелей и непосредственных участников героических событий 20–40-х годов, уже уходящих в область истории? По каким источникам будет писаться история «сталинского периода», кто еще донесет правду первых пятиле-

ток, коллективизации, Отечественной войны и послевоенного восстановления до сегодняшних и будущих поколений?! С горечью пишут ветераны: мы не раз направляли в газеты и журналы свои свидетельства о том героическом времени, но не нашлось никого, кто ими бы заинтересовался или хотя бы по-человечески объяснил – почему об этом сейчас писать нельзя, даже не отвечали на письма – словно в глухую стену стучишься...

И хотя после фильма «Очищение», как сообщали газеты, произошел «взрыв» читательских откликов, не нашлось откликам ветеранов места на страницах газет. Их письма-исповеди не публиковались. Лишь иногда приводились короткие выдержки из писем, но, опять же, не с доброй целью, а чтобы представить автора как «сталиниста». Во многих письмах-исповедях рассказы о таких судьбах человеческих, которые могли бы составить материал для целой повести. И не только о себе, о гордости за прожитую вместе со страной трудную жизнь, но и об эпохе, о дне сегодняшнем, о боли своей за оскорбленное и униженное поколение. Об этом поколении пишут и дети ветеранов, их близкие и знакомые. И в каждом письме – боль нанесенной обиды, несправедливость содеянного в отношении ветеранов, горечь непоправимой утраты.

Сложная проблема встала передо мной при размышлении о том, как представить читателям поступившие мне письма. Думал как-то сгруппировать их – по проблемам, в них затра-

гиваемым, по возрасту их авторов или по каким-либо другим признакам: ветераны войны и труда, рабочий класс, колхозники, интеллигенция, молодежь, дети военных лет и т. д. Но вскоре убедился в непродуктивности каких-либо группировок. Ибо в подавляющем большинстве писем затрагиваются не только проблемы ветеранские, профессиональные, возрастные, но и проблемы, волнующие всех, и в каждом письме – об отношении к фильму, его участникам и процедуре судебного разбирательства. Представляется целесообразным выделить лишь письма женщин-фронтовичек (по причине особого отношения к ним автора – «у войны не женское лицо»), письма самых молодых авторов (они несколько отличаются от писем людей зрелого возраста), а также письма граждан, не разделяющих моей позиции.

Уже на следующий день после показа фильма «Очищение» убедился, как много у меня единомышленников, доброжелателей. Радость «узнавания» на лицах людей: «Это Вас вчера показывали», – и слова благодарности, вопросы, добрые пожелания. Первой меня опознала утром 23 ноября контролер станции «Московский проспект» Харьковского метрополитена: «Извините, гражданин, не Вас ли мы видели во вчерашнем фильме? Какой Вы молодец, как мужественно держались. Всем понятно, что процесс был подготовлен. Они вызвали свидетелей, которые ничего конкретного не могли сказать. Продолжайте борьбу. Вас многие поддерживают».

Останавливали на улицах, заговаривали в троллейбусе, трамвае, метро. И подавляющее большинство граждан – с искренней заинтересованностью, улыбкой, доброжелательностью. И так не только в Харькове, но и в других местах, где приходилось бывать, – Москве, Ленинграде, Киеве и в городах, в которых в июне 1989 года делал остановки туристический теплоход «Юрий Андропов», – Ярославль, Кострома, Горький, Чебоксары, Ульяновск. Нередко ловил на себе изучающие враждебные взгляды. Чувствую: «он» меня узнал, мысленно шлет проклятия. Но заговорить почему-то не решается. А когда заговаривали, короткая беседа нередко заканчивалась на угрожающих нотах: «Скоро вас, сталинистов, будем вешать». Удивляли озлобленность таких «типов», дремучее невежество, фанатичное упорство и полное отсутствие каких-либо аргументов. Единственное возражение: «Огонек» об этом писал, в «Литературной газете» и в «Московских новостях» читал. На таком примерно уровне состоялась в Ленинграде беседа с опознавшим меня на улице работником Смольнинского райкома партии.

Отклики на фильм «Очищение» в виде телеграмм начали поступать на Центральное телевидение уже на следующий день после демонстрации фильма. П.И. Кусанин из города Маркс Саратовской области: «Шеховцов прав. Преклоняюсь перед его доблестью и мудростью. Ходатайствую, предоставьте мне возможность выступить на процессе вместе с Шеховцовым в качестве истца по защите священной исто-

рии советского народа от посягательств на нее реакционных элементов».

Кипишидзе Циала. Тбилиси. Телеграмма на ЦТ 23.11.88 г. «Дорогой Иван Тимофеевич. Вы замечательный человек, Вы неоценимое золото. Хочу пожелать доброго здоровья, прекрасного настроения Вам и Вашей семье. Хочу написать письмо».

Конверт, вложенный в письмо на ЦТ, и единственная просьба – «напишите адрес на конверте и перешлите письмо Шеховцову».

Ю.Ф. Некрасов из Краснодарского края: «Смотрел передачу о судебном разбирательстве по исковому заявлению Шеховцова И.Т. Очень прошу на конверте написать его адрес и опустить в почтовый ящик». (Не написали, не опустили...).

Много таких писем с конвертами поступало на ЦТ для пересылки мне. Там и оставались эти письма.

Были и такие адреса: г. Харьков. Горком партии. Для передачи адвокату Шеховцову И.Т. (кандидат медицинских наук, доцент Квеквескири Х.М., г. Сухуми). В письме: «От души приветствую Вас, стойкого борца за справедливость и законность. Успехов Вам в деле защиты прав человека, в том числе Сталина. В Сухуми много Ваших друзей, единомышленников».

Прежде чем читателю будут предложены поступившие мне письма, представляется целесообразным дать краткий

их обзор, назвать основные затронутые в них вопросы. Поразному выражали авторы писем солидарность со мной, но все они были искренни в своем порыве и желании помочь мне в деле защиты правды нашей истории.

Рабочий солидарен с каждым сказанным мной на суде словом, готов был стать со мной рядом и в трудную минуту моей жизни хотел быть вместе со мной. Фронтовик просит Центральное телевидение сообщить мой адрес, чтобы он мог мне помочь. Другой обращается с этой же просьбой, так как очень огорчен тем, что в суде я был один, и на следующем судебном процессе хочет быть моим защитником. Молодой инженер пишет, что готов вместе со мной бороться за достижение благородной цели – восстановление доброго имени Сталина. «Как мне хотелось быть рядом с Вами на суде!» – пишет ветеран партии и труда. Фронтовик сообщает в газету, что готов отстаивать «правое дело Шеховцова» и докажет это, если его вызовут свидетелем в суд.

Трогательное письмо рабочего, ребенком пережившего войну. Мой процесс в Москве напомнил ему процесс над Г. Димитровым в Лейпциге. Считает, что по отношению к Сталину следует отличать революционера от контрреволюционера. Готов оказать мне материальную помощь и выслать лекарства для больной мамы. Какие души человеческие открылись, какие характеры обнаружались!

Женщина, инженер совхоза, пишет: «Теперь в нашей семье будет звучать и Ваше имя – имя борющегося фронтови-

ка. Очень хочется от Вас узнать всю правду о Сталине. Берегите себя ради будущих поколений, ради нас. Как у Вас с продуктами – можем прислать. Мы живем в сельской местности, у нас все свое».

Пишет рабочий: «Если изъявите желание отдохнуть на Азовском море, милости прошу, буду очень рад и встречу как дорогого гостя». Инвалид Отечественной войны в моей деятельности по защите Сталина видит проявление мудрости великого народа и сообщает, что с удовольствием принял бы меня в качестве почетного гостя. Военнослужащий сообщает, что он и его однополчане будут рады встретить меня в городе, построенном в рекордно короткий срок во второй пятилетке.

Как-то по-новому зазвучали обращенные ко мне, уже давно вышедшие из употребления слова «стойкий большевик». Женщина пишет о «нравственно высоком облике одержимо-подвижнической личности». И, может быть, неумеренны, но, думаю, понятны и потому простительны восторги: «Болели за Вас, боялись, что Вы заболаете, какое счастье, что Вы есть!». Группа фронтовиков пишет, что состоявшийся суд – это организованная гнусность против мертвых и их справедливого защитника. И, не сдержав своих эмоций, – «Ура! Человеку кристальной чистоты».

Пишут о «личной храбрости одинокого бойца», который и один в поле воин...

Фронтовик, как он пишет, понял, что в суде глумились

над человеком, который защищает не Сталина, а свою честь и честь нашего закона, стоящего на защите прав человека, как живого, так и мертвого. Понял и то, что этот человек показал себя грамотным и достойным своей профессии, честным фронтовиком.

Проявленное мной на судебном процессе самообладание, заявляет молодой инженер-строитель, вызвало у него глубокое вдохновение. Инвалид Великой Отечественной войны просит Центральное телевидение сообщить мой адрес и пишет: «Спасибо, Иван Тимофеевич, за то, что Вы открыли нам глаза, вдохновили на борьбу... Я с Вами. Я найду Вас!».

Пишет учительница: «Держитесь, дорогой товарищ. Бить Вас, конечно, будут здорово». Хороший, наверное, педагог и пророк незаурядный – вскоре меня начали «здорово бить» – путем травли в прессе и угрозами недвусмысленными в письмах и по телефону.

Восторженные отзывы студентов, юношеский максимализм, жажда узнать больше о Сталине. И – действовать, действовать. Но еще не знают как. Просят рассказать, научить, считают меня их идейным вождем. И самое долгожданное: «Готовы достойно заменить наших дедов, защищавших Родину».

Ученица 11-го класса «внимательно следит за моей деятельностью», хочет зарядиться моей энергией, заверяет, что не сидит без дела, делает все возможное для познания правды, чтобы достойно подготовить себя к будущей борьбе.

Студентка, не зная моего адреса, обращается в газету «Советская культура» и просит ее передать мне от имени своих товарищей, что я не одинок в своем святом деле защиты веры народа, памяти павших за Родину, защиты И.В. Сталина.

Молодой школьный учитель истории поздравляет меня с несомненной моральной победой, сообщает, что и на учеников (это меня особенно обрадовало) произвели впечатление моя аргументация, взвешенность и в то же время решительность суждений.

Некоторые граждане, не разделяющие моих взглядов на историю нашей страны, тем не менее сочли нужным засвидетельствовать свое преклонение перед моими человеческими качествами, которые, как они считают, в дефиците у современников.

Гражданин, уверенный в том, что я, бывший следователь, «тоже замешан в тех грязных делах» и что со мной «надо разобраться», тем не менее возмущается тем, что мне «рот затыкали» и что состоявшийся судебный процесс подобен процессам, проходившим при Сталине.

Родившийся в год смерти Сталина признает, что все его знания о Сталине и отечественной истории почерпнуты из газет. Он повторяет бездоказательные утверждения о виновности Сталина в массовых репрессиях и ставит ему в вину то, что в годы войны 14–16-летние подростки в тылу работали под открытым небом (откуда ему знать об эвакуированных заводах, начинавших выпускать военную продукцию «с

колес»?).

Семнадцатилетний парень упрекает меня за то, что я взялся защищать Сталина, и в то же время признает, что он и его поколение ничего не знают о нашей истории сталинского периода, и сообщает, что очень хотел бы знать правду о том времени.

Военнослужащий, политработник, родившийся в год Победы, не смог противостоять напору клеветнических измышлений относительно «миллионов жизней на совести Сталина». Не сумел он трезво оценить эти измышления, наверное, потому, что его дед «сидел» при Сталине (хотя всего и полгода). Ему не понятно, как я могу «так яростно защищать Сталина и тех следователей и прокуроров...», почему я не согласен с тем, что при Сталине продуманно и планомерно уничтожался цвет нашего общества. Просил объяснить это – «может, я что-то не понимаю». Объяснил опытному армейскому политработнику, что именно и почему он неправильно понимает. Можно только представить, сколько солдат он идейно разоружил, какой вред этим нанес Вооруженным Силам...

Письма граждан, не пожелавших себя назвать, отличались особой злобностью. Единственный аргумент таких писем: «Я был репрессирован при Сталине – а ты его защищаешь». Родственники реабилитированных предлагают рассказать о применении мной, следователем, незаконных методов в отношении подследственных. А еще предлагают, пока не позд-

но, покаяться за это. Разыскал меня и мой первый подследственный, которого я привлекал к уголовной ответственности еще в 1951 году. Не пошла ему впрок отсидка в местах не столь отдаленных...

Было несколько злобных писем, авторам которых очень хотелось излить свою желчь и побольнее меня уязвить. Некоторым предлагал полемику – но доказательную, по конкретному факту, а не «вообще». Не откликнулись на предложение. Многим, не согласным с моей точкой зрения, давал обстоятельные ответы на их письма.

А какие емкие, образные характеристики участникам процесса дают ветераны. Например, вот эти: «Два доктора наук, типичные конъюнктурщики, стараются продвинуться поближе к черной икре на мутной волне охаивания Великого нашего прошлого», «Одержав пиррову победу, Адамович вышел из зала морально общипанный». Женщина добивается от Центрального телевидения адреса Карякина для того, чтобы написать ему «все слова, которых он достоин, кто он такой, если всех, кто поддерживает Сталина, считает дураками.»

Пишет инженер-электрик, чье детство было опалено войной: «Адамовичи забыли, что личное бесстрашие и мужество Сталина помогли нашему народу выстоять и победить фашизм».

Многие авторы писем, возмущающиеся клеветой Адамовича на Сталина как на Верховного Главнокомандующего,

ссылаются на тот факт, что он в октябре 1941 года не оставил Москву, и считают, что если бы Сталин был преступником и врагом народа, как его представляет Адамович, он бы оставил Москву и сдал бы ее немцам.

Солдат гордится тем, что его Верховный Главнокомандующий не покинул своего боевого поста, когда Москве угрожала смертельная опасность.

В своих письмах в газеты и Центральному телевидению напоминают – и не только ветераны – что во многих городах Европы улицы и площади названы именем Сталина, что пора бы возвратить это имя городу на Волге. Хотят, чтобы услышали их боль и горечь: «Ведь весь мир знает, кто такой Сталин, а вы его паскудите». Пенсионерка пишет, что грузинский выучила только за то, что это родной язык Сталина. Фронтовик с гордостью сообщает, что был запевалой в роте, и приводит слова песни «Сталин – наша слава боевая...» Обращается к тем, кто на него сегодня клеветает: «Вам бы на Сталина молиться, а не поносить его. Непорядочно, не похристиански говорить о нем плохо». И это несмотря на то, что он «сидел» при Сталине.

Очень многие граждане, в том числе родившиеся после войны молодые люди, считают, что оскорбительные выпады против покойного – поступки безнравственные. Ветераны войны и труда четко выразили свое отношение к этой понятной им общечеловеческой заповеди: «Не ворошите покойного. Сталин перестройке не помеха. Отступить пора

от покойника. Врать нехорошо, и это нас раздражает».

Женщина, перенесшая ребенком послевоенное лихолетье, считает, что если бы сегодня у власти стоял такой человек, как Сталин, не было бы безнравственных песен и кинофильмов, бездарных писателей, сочиняющих никому не нужные книги.

Гражданин, не относящий себя к сталинистам, заявляет, что великие свершения в нашей стране состоялись не вопреки, а благодаря умелому руководству Сталина, возглавившему партию и советский народ. Другой, тоже не сталинист, протестует против судебного процесса, превратившегося в очернительство Сталина. Человек, не разделяющий моего отношения к Сталину, приветствует меня за проявленное мужество и просит поберечь себя.

«Я, солдат Отечественной, воевал против фашизма под руководством товарища Сталина и горжусь этим по сегодняшний день», – заявляет ветеран. И, обращаясь к Адамовичу: «Но не думайте вы и ваши два друга, что я и мне подобные были глупы и слепы и не знали, за кем идем и к чему идем». Не трудно, думаю, догадаться, *что* и *как* сказал бы старый солдат в суде, если бы там его допрашивали в качестве свидетеля.

Многие авторы писем сообщают, что они и их родственники, «сидевшие» при Сталине, не считают его виновным в применении к ним незаконных репрессий. Объясняют эти репрессии происками врагов народа, пробравшимися в ка-

рательные органы, недостаточной грамотностью работников НКВД. Они, как и считающие себя осужденными обоснованно, разоблачают сегодняшних «писак», утверждающих, что большинство заключенных, находившихся в лагерях при Сталине, – невинные жертвы репрессий.

Единодушный протест бывших заключенных вызвало заявление Адамовича о том, что 10 миллионов лагерников при известии о смерти Сталина от радости бросали вверх шапки. Эту радость, утверждают они, испытывали власовцы, полицаи, бандеровцы и другие изменники Родины. Группа ветеранов войны и труда требует объяснений у Адамовича: «Покажите, где шапками кидались. Ждем вашего доказательства». «А не было ли среди тех, кто бросал вверх шапки при известии о смерти Сталина, – спрашивает фронтовик у Адамовича, – убийц первого колхозного тракториста, детей и жены первого председателя колхоза?»

Бывший заключенный, подчеркивавший не раз в своем письме, что он не сталинист, сообщает, что, находясь в заключении, он не один раз слышал контрреволюционные высказывания врагов народа, которых за их преступления надо было «ставить к стенке». Разоблачает тех, кто заявляет, что в лагерях находились «невинные жертвы сталинизма». Сын фронтовика на примере судьбы своего отца-фронтовика опровергает измышления, будто всех наших военнопленных после войны направляли в Сибирь. Он же доказательно разоблачает ложь о десятках миллионов репрессированных

при Сталине людей.

Как о большом народном горе, пишут ветераны и их дети о смерти Сталина. Добирались кто как мог в Москву, чтобы проститься со Сталиным. «Весь десятый класс плакал вместе с учительницей». Своей дочери рабочий дает имя – Сталина – и воспитывает ее на примере жизни Сталина.

Очень многие пишут о своем возмущении, вызванном тем, что Адамович сравнил Сталина с Гитлером. «У меня чуть сердце не разорвалось, когда Адамович сказал, что Сталин хуже Гитлера», – с возмущением пишет ветеран труда и предъявляет претензии к Богу, который таких людей не лишает языка. Группа инвалидов Отечественной войны, в связи с таким сравнением, высказывает свое отношение к названию фильма: «Сталин был и будет! Как можно ставить в один ряд Сталина и Гитлера? Разве так должно идти очищение?» Фронтовик считает, что сравнить Сталина с Гитлером – это все равно что сравнить его с фашистским солдатом.

Группа фронтовиков просит через газету «Советская культура» опубликовать их письмо, чтобы сегодняшняя молодежь знала, что они в 17–18 лет с именем Сталина шли в смертельную атаку, что с этим святым именем наш народ одержал победу.

Инвалид Великой Отечественной войны, бывший председатель колхоза, смотрел фильм в большой аудитории фронтовиков. И об их впечатлениях написал Адамовичу. Не видел ранее и не ожидал ветеран такого единодушного осужде-

ния критиков «сталинизма». Безоговорочное осуждение позиции Адамовича относительно нашей истории 30–40-х годов и, в частности, его домыслов о вине Сталина в нынешнем состоянии сельского хозяйства. Бывший председатель колхоза, не понаслышке знающий сельское хозяйство, анализирует причины аграрного кризиса и убедительно опровергает измышления Адамовича о том, что он по вине Сталина не может себя прокормить.

В популярной форме разъясняют авторы писем Адамовичу и его «свидетелям» сущность презумпции невиновности и объясняют, почему она должна применяться и к Сталину. А рабочий-шахтер разъяснил «горе-писателям» и «горе-ученым», что Малюта Скуратов, Тимур и Гитлер потому могут называться оскорбительными словами, что они не при Советской власти жили, и наш закон их не защищает.

Женщина-фронтовичка, не понаслышке знающая довоенное сельское хозяйство, предлагает Адамовичу, который не может сегодня себя прокормить, организовать творческий коллектив и поехать в белорусскую глубинку выращивать хлеб и мясо. Прослушав выступление в суде Адамовича и его «свидетелей», задумался фронтовик: «Кто же они такие, наши воспитатели, на что способны?» Как обвинение бросает пенсионерка-колхозница в лицо Адамовичу:

«Я люблю свою Родину, землю свою, никогда – сколько ни проживу – другой земли не захочу!» И поверяет нам свое скромное желание: «Хочу дожить, чтобы погасить свои об-

лигации. Тогда мы, голодные, на всю зарплату подписывались на заем». Поступком лицемера назвал молодой рабочий заключительную сцену судебного процесса: Адамович бросается ко мне для рукопожатия и фотографирования «на память».

«За что позорите свою Родину?» – спрашивает пенсионерка Поликарпова и Карякина и разъясняет им, почему возможны были необоснованные репрессии и причины сегодняшнего очернительства нашей истории. Плакала старая женщина, когда слышала мои слова в защиту нашего поколения. Ей не понятно, «от кого» Поликарпов, мне же дала высшую оценку – «настоящий юрист и историк». Другая женщина очень убедительно объяснила одну из причин необоснованных репрессий: «И при Сталине были адамовичи, которые доносили. Так кто же виноват – Сталин или адамовичи?» Считает, что они и Горбачева опаскудут, только не при его жизни. Инженер, отец которого, арестованный в 1937 году, был через несколько месяцев освобожден, видит в этом опровержение вымыслов о том, что «из сталинских застенков никто не возвращался».

Женщина сообщает, что ее отец, сельский учитель, был репрессирован по навету председателя сельсовета, бывшего белогвардейца, и секретаря сельсовета, сына кулака. И спрашивает: «Но при чем же здесь Сталин?!»

Бывший заключенный гордится тем, что, отбывая наказание, получил специальность строителя и участвовал в соору-

жении Сталинградской гидроэлектростанции и Волго-Донского канала. Разоблачает тех, кто утверждает, что в «сталинских лагерях» гибли миллионы людей.

Фронтовичка помнит свою мать «в красной косынке» и отца – председателя сельсовета, которые в конце 20-х годов укрепляли Советскую власть в деревне и боролись с врагами, от рук которых гибли коммунисты, комсомольцы и чекисты.

Дети, потерявшие в годы войны родителей и ставшие детдомовцами, вспоминают свое одухотворенное детство, гордятся высокими нравственными качествами, которые им были привиты в сталинское время. Учительница-пенсионер с гордостью пишет, что люди до войны были счастливы и жили радостно. У ребят было счастливое детство, они росли здоровыми физически и духовно, получали в школе крепкие знания и смело вступали в жизнь. Женщина, детство которой прошло в трудные военные и послевоенные годы, и сегодня помнит, как ее принимали в пионеры и в комсомол, как она вскакивала утром с постели для того, чтобы отдать салют гимну, исполнявшемуся по радио в 6 часов утра.

Тяжкую обиду, пишут ветераны, наносят нам адамовичи, заявляя, что прожили они свою жизнь неправильно, будто были слепым орудием в чьих-то руках. Колхозник рассказывает, как в довоенные годы любили Красную Армию, готовились к защите Родины, с какой гордостью носили на груди значок ГТО (Готов к труду и обороне).

Ветеран труда с гордостью пишет, что родился в семье

большевика, «не теперешнего, а того времени, когда большевики были полностью преданы делу революции».

Семнадцатилетняя девушка, когда немцы непосредственно угрожали Москве, принимает участие в строительстве оборонительных сооружений, оказывает первую помощь раненым, отдает им свою кровь и помогает отправлять их в тыл. Затем со своими школьными подругами идет на фронт. Связистка минометной батареи. Неоднократно под огнем немцев восстанавливала телефонную связь. Заменяет убитого бойца минометного расчета. Свыше 3500 км боевого пути. Медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» отмечен ратный труд девушки-патриотки. Вместе со своими однополчанами по меркам военного времени оценивает мою борьбу за честь и достоинство Сталина, называя ее «героическим поступком».

Другая девушка прибавляет себе год, чтобы добровольцем уйти на фронт. Тяжкий труд санинструктора. Фронтовое товарищество. Ни дня, ни одной ночи под крышей над головой. Гордость: была комсоргом батареи. Боевые будни и послевоенные трудности. Вера в Сталина вдохновляла. Посмотрев «Очищение», пишет на ЦТ, представляясь моей однополчанкой, чтобы «убедить» чиновников дать мой адрес. «Мне хотелось стать рядом с Вами на том суде, чтобы поддержать Вас». Воспоминания об одухотворенной нашей довоенной жизни. Клеветают на Советскую власть, «а Сталин не позволял, чтобы кто – то даже словом порочил ее...»

Отец-фронтовик уцелел в войне, но в 1949 году умер от ран. Радует, что мной «брошенные в души людей зерна правды уже прорастают»... А до армии 15-летним подростком в прифронтовых условиях участвовала в строительстве железной дороги, по которой нефть из Баку должна доставляться в Сталинград. Сегодня, воодушевленная моим примером, вступает в отчаянные схватки с клеветниками на наше поколение, на Сталина.

...Крик души солдатской вдовы, потерявшей мужа в первые дни войны, через полгода после свадьбы, и всю жизнь его искавшей по дорогам минувшей войны. Потрясает: «Обнимала, целовала памятники на братских могилах, а он, бедненький, не отзывался!»

Защищая свои честь и достоинство, вынуждены фронтовики прибегать и к таким аргументам: «Добровольцем в 17 лет я ушел на фронт. Разведчик. Трижды ранен. Сталинградская битва, Курская дуга, битва за Днепр, Польша, Германия, Чехословакия» – и как аргумент, обосновывающий требование: «Хватит! Прекратите писать о Сталине только плохое!»

Разговор о ценности человека, его моральных качествах они по-прежнему ведут по самому большому счету, людей оценивают по критерию «пошел бы я с ним в разведку?» Об Адамовиче и его единомышленниках: «Я уверен, что эти люди никогда не закроют собой амбразуру ради спасения жизни других».

Отчаяние и боль ветеранов. Крик поколения: «Годы пожилые, здоровье ушло, а душа живет – страдает и мучается, видя все происходящее... Ваше письмо было как глоток чистого воздуха, как забрезживший свет в конце тоннеля... Что делать, как поступить, подскажите, дорогой Иван Тимофеевич!»

Уходят из жизни ветераны и уносят с собой никому не рассказанные биографии – неповторимые, уникальные, так и не дождавшись неленивого, с горячим сердцем журналиста или писателя, которому можно было бы рассказать о себе, о неповторимых 20 – 40-х годах. Разве не достоин быть опубликованным, например, вот этот рассказ... Классовая борьба в деревне накануне коллективизации. Кулак увольняет батрака за то, что тот вступил в комсомол. Его семья первой вступает в колхоз. Коллективизация, кулацкое сопротивление и вредительство. Война: от западной границы до Сталинграда и назад, до Германии. Ранен, потерял глаз, участник Парада Победы. А ведь солдатами-участниками этого парада были, как правило, награжденные орденом Славы всех трех степеней. А он, скромный труженик войны, ничего не сказал о своих наградах. Гордится тем, что 45 лет состоит в Партии (спросить бы у солдата – почему он это слово пишет с заглавной буквы). Послевоенная разруха, в начальники не вышел.

Через тридцать лет после окончания войны получил он жилье – служебную комнату... Я горжусь тем, что такой человек назвал меня в своем письме большевиком.

Вот она, добрая человеческая душа, моральная стойкость фронтовика, его любовь к Родине и ее трудной истории. В 1937 году необоснованно репрессирован. Пять лет лагерей. Воевал, трижды ранен, награжден боевыми орденами. Протестует против очернительства Сталина, «а значит, и нашего поколения».

Несгибаемые люди жили в сталинское время. В 1937 году его необоснованно арестовали, исключили из партии, объявили врагом народа. Доказывает свою невиновность, и его освобождают. Несмотря ни на что, не потерял веру в Сталина. Воевал комиссаром подразделения, трижды ранен. 47 лет проработал председателем колхоза, избирался депутатом Верховного Совета, имеет 18 правительственных наград. Рад, что люди перестают верить клевете на Сталина.

«А какие песни пели при Сталине, – вспоминают ветераны. – На поле и с поля – с песней. Работали вручную – грабли да тяпка – но с песней. Одевались бедно, скромными были, но жить было отрадно... Худо-бедно жили, но зубами грызли врага».

Фронтовик, которому ранения и контузия мешают вступить в схватку с адамовичами, счастлив полетом Чкалова, Днепрогэсом, первым трактором, нашей Победой. «Жалкие адамовичи! – пишет инженер, ребенком пережившая войну и послевоенные трудности. – Они не знают, какими гордыми, независимыми, любознательными росли в то время дети. А какое было стремление к знанию, учебе!» Другой автор

утверждает: «Сталин – гений, потому что он за такой короткий срок воспитал высоконравственное поколение».

Молодая учительница пишет, что завидует старшему поколению, потому что ему было во что и в кого верить.

Авторы писем отмечают, что опасность развязанной средствами массовой информации антисталинской истерии заключается не столько в формировании крайне отрицательных эмоций в отношении Сталина, сколько в дискредитации нашей героической истории, достижений советского народа. Давая оценку фильму, они подчеркивают, что показанный по телевидению судебный процесс – это попытка ошельмовать тех, кто выступает против шабаша антисталинизма. Не осталось не замеченным и то, что в нашем обществе есть силы, которые сознательно нагнетают антисталинскую истерию для того, чтобы свернуть перестройку с революционного пути. Прав автор письма, считающий, что эмоции, вызванные нагнетанием психоза «разоблачений», разводят людей, преданных перестройке, по разные стороны баррикад.

Очень многие – и не только люди старшего поколения – писали, что оскорбление Сталина – это и оскорбление поколения, совершившего революцию, построившего основы социализма, превратившего Родину в могучую державу, отстоявшего ее в самой трудной из войн и восстановившего разрушенное войной хозяйство. Наивный ветеран: просит «Советскую культуру» известить его, в каком номере газеты будет опубликован его отзыв об Адамовиче, который, «терзая

мертвого Сталина», наносит и ему, ветерану, большую боль и обиду.

Военный руководитель средней школы озабочен тем, что истерия антисталинизма привела к негативному восприятию отечественной истории, связанной с именем Сталина, принижению завоеваний советского народа, превращению гипертрофированных антисталинских эмоций в идеологический таран против перестройки.

Инвалид афганской войны, медсестра, считает, что развенчание Сталина опасно для государства, последствием чего явились события в Прибалтике.

Женщина, не считающая себя сталинисткой, размышляя о Сталине, старается понять, «почему мы должны по сегодняшним меркам оценивать прошлое нашей страны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.